

РАЗДЕЛ IV. ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 83.3(2)

УДК 82.94

DOI 10.52172/2587-6945_2021_16_2_117

А. П. Власкин¹

независимый исследователь

apvtgn@mail.ru

С. В. Рудакова²

Магнитогорский государственный

технический университет им. Г. И. Носова

455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38

rudakovamsu@mail.ru

МЕТАСМЫСЛЫ ЗАГЛАВИЙ РОМАНОВ ДОСТОЕВСКОГО

В работе основное внимание сосредоточено на анализе смыслового потенциала заглавий романов Ф. М. Достоевского. Выдвинуто предположение, что уже в сами названия собственных романов автор закладывал принципиально важное, концептуальное, некие «метасмыслы», обращенные в том числе к читателям будущего. Названия романов Достоевского рассматриваются в широком герменевтическом аспекте. Среди проанализированных в таком ракурсе заглавий – «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы». Так, например, в процессе анализа первого названия учитывается не только то, на что обратил внимание Белинский, – социальный ракурс (бедные в материальном отношении персонажей, герои в той или иной степени обнищания), но обращается внимание на то, что понятие *бедные люди* характеризует всех героев романа, которые умудрились потерять себя, утратив подлинные жизненные ценности. В романе «Униженные и оскорбленные», как показано,

¹ Власкин Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь, г. Магнитогорск, Россия.

² Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

метасмысл заглавия определяется заложенной в нем ассоциацией, соотносимой с динамичной духовной вертикалью. Заглавие «Преступление и наказание» заставляет задуматься о заветах и душевных наказах, которые преступают герои, понять, ради чего и с каким итогом они это делают. Многозначность романа «Идиот» безусловна. Помимо традиционных смыслов, которые рассмотрены в работе, обращено внимание и на то, что определение «идиот» можно соотнести не с главным героем романа, а с нами самими, так как Мышкин идеален, а мы нет, а потому не нам его судить. «Бесы» – роман, задуманный как обличение революционные идей. Но смысл заглавия шире. Оно об одержимости. Метасмыслы заглавий предыдущих романов, как показано в работе, замыкаются на последнем романе «Братья Карамазовы» в единую логику. Достоевский заставляет нас задуматься над тем, что люди, подобно его героям, оказываются перед выбором – братства или «карамазовщины».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, романы, метасмыслы, заглавия, смысл

Смысловый потенциал одних только заглавий романов Достоевского остается, на наш взгляд, недооцененным. Притом романов всех без исключения. Ежегодно множатся интерпретации целых произведений (см., например: [1; 2; 5; 6; 10; 11; 12; 15; 16; 17]). Казалось бы, всё глубже и глубже мы понимаем их замыслы. Но достаточно ли широко в герменевтическом аспекте? Не бывает ли заложено уже в заглавиях – быть может, даже невольно для писателя – нечто главное, концептуальное? Некие метасмыслы (напомним: приставка «мета» означает «после, через»). То есть нечто, обращенное и к нам сегодня.

Вот первый же роман Достоевского, «Бедные люди». С легкой руки Белинского и других критиков мы видим в нем лишь социальное сочувствие. Бедных в материальном отношении персонажей здесь сколько угодно, и в разных степенях обнищания. Все они *бедные* – но все-таки *люди*; и все эти *люди* – почему-то *бедные*. Это оборачивается критикой несправедливой действительности. Так играет своими значениями двусоставное заглавие.

Есть Макар и Варенька: у него мизерное жалованье, а она перебивается случайными заработками. Но вместе с тем Макар – истинный благодетель для Горшкова, которому нужны пять копеек на хлеб, чтобы накормить детей. А повыше значится сочинитель Ратазиев, гонорарам которого (тоже мизерным, скорее всего) завидует и Макар. Есть истинные нищие – ребенок, которого встречает герой

и жалеет, что нечего было подать. И есть нищенство профессиональное, на которое он негодует, хотя и оно не от хорошей жизни.

Но разве это все персонажи? А как же коварная сводня Анна Федоровна, почти погубившая Варю? А как же богатей и пошляк господин Быков? Ведь роман «Бедные люди» – это и о них. Но в каком же смысле? А вот именно в *метасмысле*: бедные они бедные... Как же умудрились потерять себя, утратить настоящие ценности, загасить в себе искру божию.

Принято считать, что от автора в первом романе – только заглавие. Остальное – лишь письма, голоса персонажей. Но вот и через Макара Достоевский вдруг раскрывает отчасти метасмысл заглавия: «...богатейшему лицу всё те же сапоги, может быть, ночью снились, то есть на другой манер сапоги, фасона другого, но все-таки сапоги <...>. И это бы всё ничего, но только то дурно, что нет никого подле этого богатейшего лица, нет человека, который бы шепнул ему на ухо, что «полно, дескать, о таком думать, о себе одном думать, для себя одного жить, ты, дескать, не сапожник, у тебя дети здоровы и жена есть не просит; оглянись кругом, не увидишь ли для забот своих предмета более благородного, чем свои сапоги!»» [8, I, 89].

Ведь это сожаление о многих «богатейших людях», которые о себе лишь думают и изменяют человеческому званию. И сам Достоевский здесь в роли того человека, который нашептывает на ухо уже всем читателям, что «полно <...> для себя одного жить, <...> оглянись кругом». А кто неспособен, тому и адресовано это «бедные люди»!.. Да и мы сами – так ли уж умеем правильно жить? Разве не оступаемся? Так что *бедные мы бедные* – это ведь и к нам...

Еще один роман – из ранних, которые обычно не числят в составе «великого пятикнижия» Достоевского, – озаглавлен как будто весьма однозначно: «Униженные и оскорбленные». Вновь, как и в случае с «Бедными людьми», пафос, на первый взгляд, исключительно социален. Но мы ведь уже знаем, что первого впечатления бывает недостаточно. *Метасмысл* нового заглавия инициирован ассоциацией с заложной в него некоей динамичной духовной вертикали. «Униженности» здесь противопоставлена «оскорбленность». То есть сколько бы не принижали человека, он может противостать этому хотя бы через выражения своей оскорбленной гордости. И это урок на все времена, в том числе и для нас.

Самый знаменитый роман – «Преступление и наказание». В науке, даже уже и в школе, давно имеется в виду расширительное толкование обоих заглавных понятий, с учетом этимологии (см., например: [3, 316-317; 10; 17]). Но внимание направлено в основном на Раскольникова, частично касается и Сони Мармеладовой. Родион

сам называет ее преступницей, и она соглашается с ним. Важно, однако, что именно, ради чего и с каким итогом *переступают* он и она? Какие душевные *наказы* они при этом нарушают, и какие другие *наказы* движут ими? Конечно, это главный материал. Однако метасмысл заглавных понятий отражается, пожалуй, в поступках и судьбах едва ли не всех заметных персонажей романа и едва ли не в каждой ключевой его сцене. Верный ракурс вниманию тут задает завет Раскольниково его сестре, Дуне: «...дойдешь до такой черты, что не перешагнешь ее – несчастна будешь, а перешагнешь – может, еще несчастнее будешь...» [8, VI, 174]. «Черта» – это некий «порог», и у каждого он свой. Давно переступили свои пороги процентщица Алена Ивановна, следовательно Порфирий Петрович. И у них свои «наказы». В сюжетном времени романа оказываются на разных порогах Мармеладов, Лужин, Лебезятников. И у них тоже ведь – свои «наказы». Их можно выявить и осмыслить. Они могут оказаться очень поучительны.

Вместе с тем, завет Раскольниково, высказанный сестре, остается неполным. Сам он в тот момент несчастен, отсюда и тона безнадежности («несчастна будешь... еще несчастнее будешь»). Однако переступание жизненного «порога» может иметь и благотворные последствия. Опять-таки всё зависит от того, что переступаешь и ради чего. В романе была своя «черта» и у Разумихина, например. Этот персонаж поначалу ведь показан в романе не как образец добродетели. Он разбросанный, неразборчив в отношениях с женщинами. Но встреча с Дуней и вспыхнувшая любовь переменяла его: «...горячий, откровенный, простоватый, честный, сильный, как богатырь, и пьяный Разумихин, никогда не выдавший ничего подобного, с первого взгляда потерял голову» [8, VI, 158].

Наконец, благотворное переступание порога случается ведь и у Раскольниково. Это описано в финале романа. Он отринул в себе гордость, свою «идею» и принял высшую правду Сони.

Вновь уместно «на себя оборотиться». Разве не случаются в нашей жизни разнообразные, порой очень значимые «пороги»? Даже вот когда выбираем профессию, спутника жизни, да мало ли что еще. И в любом подобном случае нужно быть чуткими к сердечным *наказам*. Ибо сердце, по Достоевскому, не обманет. Оно для человека самый верный помощник.

А вот один из любимых многими роман «Идиот». Многозначность заглавия здесь понятна. Мышкин в предыстории – душевнобольной и в финале ему суждено закончить идиотизмом. Но по ходу сюжета он – воплощение идеальных человеческих качеств. Однако «идиотом» его то и дело называют окружающие, в глаза или за глаза. Впрочем не раз называют и самым умным. Он и сам изначально знает себе цену. Вот примечательный диалог:

«То есть вы думаете, что умнее всех проживете? – сказала Аглая

- Да, мне и это иногда думалось.

- И думается?

- И... думается» [8, VIII, 53].

Однако поступки его для большинства остаются неприемлемыми. Получается, что идеальный человек по обывательской логике может восприниматься как идиот. И ладно бы только обыватели. Почти любой читатель, самый высокоразвитый и даже ученый, может порой поймать себя при чтении романа на инстинктивной досаде: ну почему Мышкин так наивен, так доверчив (см. подробнее [9; 11; 16])! Почему упускает свою выгоду или даже счастье! Вот к такому, «почти любому» читателю и может быть опять-таки обращено заглавие – «идиот!» (или «идиотка»). Не Мышкин, а мы сами заслужить можем это заглавие. Потому что он идеальный, а мы нет. И не нам его судить.

Нас может оправдать или успокоить еще один метасмысл заглавия. Он связан с постановкой проблемы уместности идеала в реальной действительности. Мы ведь привыкли инстинктивно почитать идеальное, особенно в людях. Однако идеального человека реальность с ее запутанными конфликтами рано или поздно может довести до полного идиотизма – что и показано Достоевским. Дело не в сумасшествии как таковом, а в особой логике жизни, где нет места идеальному. Много ли вы встречали идеальных людей или хотя бы слышали о них? И какова их судьба? Не место им среди нас. Быть может, здесь содержится горькая метаправда романа. Потому он и самый пессимистичный у Достоевского.

Следующий роман – «Бесы». Он был задуман как обличение революционных идей, которые в ту пору стихийно распространялись и заражали даже самые чистые сердца, особенно в среде молодежи. В перспективе же – оправдание «крови по совести» и катастрофические потрясения. В этом и видел Достоевский бесовщину (см. [2; 3; 4; 12; 15]). Но разве сводится богатое содержание романа к этому только значению его заглавия?

Такого рода бесовщиной здесь одержим по-настоящему лишь один персонаж, Петр Верховенский. Он способен увлечь за собой и других, но не всех и ненадолго. Однако если присмотреться, в романе этом почти всякий чем-нибудь да одержим. Шатов – своей идеей; Кириллов – своей. Степан Верховенский одержим собственной репутацией. Многие женские персонажи одержимы обаятельным Ставрогиным. Среди них – Дарья и Марья Шатовы, Лиза Дроздова, Марья Лебядкина. Трех последних это приведет к гибели – чем не бесовщина? Хотя девушкам этим нет дела до революционных идей.

Самого Ставрогина, одного из главных героев романа, также не назовешь революционным фанатиком. Его безуспешно вербует на роль вождя Петр Верховенский. Но Ставрогин одержим другим. Он не может найти мерки для собственной личности, потерял ориентиры добра и зла. Это приведет его к добровольной петле. Но прежде он скажет о владеющей им стихии, что это не демон какой-то, а «просто маленький, гаденький, золотушный бесенок с насморком, из неудавшихся» [8, X, 231].

Такие очень разные «бесенята» угадываются за многими образами персонажей романа. И никакого отношения они к революционным идеям не имеют. Интересный факт. На заре советской власти писателю был установлен памятник, на котором появилась надпись «Достоевскому – от благодарных бесов». По одной из версий идея принадлежала наркому Луначарскому. Как бы то ни было, одержимость не обязательно носит политическую окраску. И все-таки она имеет негативные, «бесовские» коннотации. Вспоминается афористичное высказывание Гр. Померанца: «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в битву за добро, за истину, за справедливость» [10, 136]. Так что лучше бы беречь себя от одержимости. Бесы не дремлют.

Следующий роман «Подросток» – о чем он по большому счету? В направлении к метасмыслу его заглавия выводит замечание В. А. Викторovichа: «Россия – это тоже подросток» [6, 7]. Так что же, роман о России? Пожалуй, что и так, но слишком масштабно, и нужно бы конкретизировать.

Подросток – ведь это молодое поколение, будущее России. Могут ли старшие положительно влиять на младших, воспитывать их, способны ли передавать им свой опыт? И молодые, в свою очередь, – способны ли перенимать этот опыт? Положительные ответы вовсе не очевидны. Об этом и других аспектах романа размышляли многие исследователи [3; 5; 6; 7].

В новом романе Достоевского у центрального героя, Аркадия, сразу два отца, биологический и номинальный, Версилов и Долгорукий. Это было принципиальным решением автора. Оба они – яркие носители культуры, но разной, дворянской и народной. Оба желают сыну добра, хотят чему-то научить. И сам Аркадий тянется к ним в ожидании уроков – из обоих источников жаждет как бы «водицы испить». Но возможно ли это? Достоевский явно полагает, что будущее России зависит от того, сможет ли Подросток воспринять и освоить всё лучшее, что выработали старшие поколения.

Фактически Подросток – это постановка проблемы

на все времена. Таков метасмысл заглавия. Более того, проблема эта со временем только обостряется. Быть может, роман «Подросток» на современном материале вообще невозможен. Пожалуй, и Достоевский бы не справился. Нам может показаться, что нам понятны интересы и устремления нынешних подростков. Но чем больше будто бы понимаем, тем большего в конечном счете и не понимаем, – этакий замкнутый круг.

Наконец, последний роман, «Братья Карамазовы». Его справедливо считают завещанием Достоевского (см.: [1; 3; 13; 14]). Автор запечатлел Россию и особую природу русских людей, открыл в них карамазовщину. Для нас сейчас важно, что заглавие вновь двусоставно (как в «Бедных людях» и «Преступлении и наказании»). Это обеспечивает ему неоднозначные метасмыслы. Две стихии – братство и карамазовщина – сведены здесь в конфликтном противостоянии. Могут ли они примириться в человеке, или одно преодолевается только за счет другого?

Карамазовщина, конечно, связана с негативными коннотациями. Однако она сложнее, например, бесовщины, потому что приходит не извне, а стихийно сказывается в природе русского человека. Это способность и склонность «хватить через край» не только в дурном, но и во всем хорошем. Отец семейства, Федор Павлович, демонстрирует эту стихию в любострастии и бессердечии. Иван Карамазов – в разгуле бунтарской мысли. Смердякова эта стихия приводит к отцеубийству. Но ведь и Алеша, самый симпатичный персонаж, истинный герой романа (по замыслу автора), – тоже Карамазов. Он не знает мерки в духовных страстях и в минуты слабости, вслед за Иваном, бунтует против Бога. Старший брат, Дмитрий, несправедливо осужденный на каторгу, мечется и не может выбрать между побегом в Америку и желанием добровольно принять кару судьбы за свои грехи.

Вспоминая метасмыслы заглавий предыдущих романов, можно теперь замкнуть их на последнем в единую логику. Люди, как и герои Достоевского, зачастую оказываются на порогах перед выбором между братством и карамазовщиной. Приверженцы «братства», очищенного от «карамазовщины», выглядят порой «идиотами». Карамазовщина же без контроля со стороны братских инстинктов – питательная среда для всевозможной «бесовщины». И вся Россия – как Подросток – оказывается между «братством» и «карамазовщиной». Это два полюса ее судьбы в будущем.

Мы это будущее в год 200-летия Достоевского отчасти уже узнали. Однако великий писатель заглядывал гораздо дальше. И полюса никуда не делись. Мы до сих пор остаемся между ними.

Литература

1. Альми И. Л. К вопросу о психологизме Достоевского // Альми И. Л. О поэзии и прозе. Санкт-Петербург: «Скифия», 2002. С. 339–350.
2. Ашимбаева Н. Т. Поэтика двусмысленности и недосказанности у Достоевского (явное и прикровенное родство героев) // Pro Memoria. Памяти Г. М. Фридендера. Санкт-Петербург: «Наука», 2003. С. 136–146.
3. Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // Бердяев Н. А. Философия творчества, искусства, культуры: в 2 т. Т. 2. Москва: Искусство, 1994. С. 151–176.
4. Богданов Н. Н. Патография Николая Ставрогина // Вопросы литературы. 2009. № 1. С. 241–252.
5. Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. Москва: РГГУ, 2012. 341 с.
6. Викторovich В. А. Время «Подростка» // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения. Сб. статей. Коломна: КГПИ, 2003. 262 с.
7. Геригк Х.-Ю. О «Подростке» Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альманах № 28. Санкт-Петербург: Серебряный век, 2012. С. 11–29.
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972.
9. Обломиевский Д. Д. (Из научно-литературного наследия) Князь Мышкин // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Ленинград: Наука, 1976. С. 284–294.
10. Померанц Г. С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. Москва: Сов. писатель, 1990. 384 с.
11. Постникова Е. Г. Достоевский и Грэм Грин: идеальные герои и архетип грехопадения (по романам «Идиот» и «Суть дела») // Libri Magistri. 2017. № 3. С. 74–89.
12. Постникова Е. Г. Феномен самоифологизации и архаизации массового сознания в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Филология. 2012. № 3. Т. 1. С. 24–31.
13. Розенблюм Л. М. «Красота спасет мир» (О «символе веры» Ф. М. Достоевского) // Вопросы литературы. 1991. № 11–12. С. 142–180.
14. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. Москва: Наука, 2007. 838 с.
15. Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. Москва: Сов. писатель, 1990. 480 с.
16. Свительский В. А. «Сбились мы. Что делать нам!»

(к сегодняшним прочтениям романа «Идиот») // Достоевский и мировая культура. Альманах № 15. Санкт-Петербург: «Серебряный век», 2000. С. 205–228.

17. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. Санкт-Петербург: Серебряный век, 2005. 472 с.

REFERENCES

1. Al'mi I. L. K voprosu o psihologizme Dostoevskogo [On the Psychology of Dostoevsky] // Al'mi I. L. O poezii i proze [On poetry and prose]. Sankt-Peterburg: «Skifija», 2002. S. 339–350.

2. Ashimbaeva N. T. Pojetika dvusmyslennosti i nedoskazannosti u Dostoevskogo (javnoe i prikovnennoe rodstvo geroev) [The Poetics of Ambiguity and Understatement in Dostoevsky (Explicit and Invisible Relatedness of Heroes)] // Pro Memoria. Pamjati G.M. Fridlendera [Pro Memoria. In Memory of G.M. Friedlander]. Sankt-Peterburg: «Nauka», 2003. S. 136–146.

3. Berdjaev N. A. Otkrovenie o cheloveke v tvorcestve Dostoevskogo [The Revelation of Man in Dostoevsky's Work] // Berdjaev N. A. Filosofija tvorcestva, iskusstva, kul'tury [Philosophy of Creativity, Art, and Culture]: v 2 t. T. 2. Moscow: Iskusstvo, 1994. S.151–176.

4. Bogdanov N. N. Patografija Nikolaja Stavrogina [The Pathography of Nikolai Stavrogin] // Voprosy literatury [Russian Studies in Literature]. 2009. № 1. S. 241–252.

5. Bocharov S. G. Geneticheskaja pamjat' literatury [Literature's genetic memory]. Moscow: RGGU, 2012. 341 s.

6. Viktorovich V. A. Vremja «Podrostka» [The Time of the The Raw Youth] // Roman F. M. Dostoevskogo «Podrostok»: vozmozhnosti prochtenija [F. M. Dostoevsky's novel The The Raw Youth: Possibilities of Reading]. Sb. statej. Kolomna: KGPI, 2003. 262 s.

7. Gerigk H.–Ju. O «Podrostke» Dostoevskogo [Dostoyevsky's "The Raw Youth"] // Dostoevskii i mirovaja kul'tura [Dostoevsky and World Culture]. Al'manah № 28. Sankt-Peterburg: Serebrjanyj vek, 2012. S. 11–29.

8. Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. [Complete Works]: v 30 t. Leningrad: Nauka, 1972.

9. Oblomievskij D. D. (Iz nauchno-literaturnogo nasledija) Knjaz' Myshkin [(From Scientific and Literary Heritage) Prince Myshkin] // Dostoevskij. Materialy i issledovanija [Dostoevsky. Materials and Studies]. T. 2. Leningrad: Nauka, 1976. S. 284–294.

10. Pomeranc G. S. Otkrytost' bezdne: Vstrechi s Dostoevskim [Openness to the Abyss: Encounters with Dostoevsky]. Moscow: Sov. pisatel', 1990. 384 s.

11. Postnikova E. G. Dostoevskij i Grjem Grin: ideal'nye geroi i arhetip grehopadenija (po romanam «Idiot» i «Sut' dela») [dostoevsky And Graham Greene: the ideal cahacters and the archetype of the fall from Grace (based on the novels "The Idiot" and "The Heart of the matter")] // Libri Magistri. 2017. № 3. S.74–89.

12. Postnikova E. G. Fenomen samomifologizacii i arhaizacii massovogo soznaniya v romane F. M. Dostoevskogo «Besy» [The phenomenon of self-mythologizing and archaism-izing of collective consciousness in the "Demons" by F. M. Dostoyevsky] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Filologija [Pushkin Leningrad State University Journal]. 2012. № 3. T. 1. S.24–31.

13. Rozenbljum L. M. «Krasota spaset mir» (O «simvole very» F. M. Dostoevskogo) ["Beauty will save the world" (On Dostoevsky's "creed")] // Voprosy literatury [Russian Studies in Literature]. 1991. № 11–12. S. 142–180.

14. Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy»: sovremennoe sostojanie izuchenija [Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": The Current State of Study]. Moscow: Nauka, 2007. 838 s.

15. Saraskina L. I. «Besy»: roman-preduprezhdenie ["The Demons": A Novel of Warning]. Moscow: Sov. pisatel', 1990. 480 s.

16. Svitel'skij V. A. «Sbilis' my. Chto delat' nam!» (k segodnjashnim prochtenijam romana «Idiot») ["We've lost our way. What shall we do!" (To Today's Readings of "The Idiot")] // Dostoevskij i mirovaja kul'tura [Dostoevsky and World Culture]. Al'manah № 15. Sankt-Peterburg: «Serebrjanyj vek», 2000. S. 205–228.

17. Tihomirov B. N. «Lazar'! Grjadi von». Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii ["Lazarus! Get Out." Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment" in a Modern Reading]: Kniga-kommentarij. Sankt-Peterburg: Serebrjanyj vek, 2005. 472 s.

METAMEANINGS OF THE TITLES OF F. M. DOSTOEVSKY'S NOVELS

Alexander P. Vlaskin

Doctor of Philology, professor, independent researcher
(Magnitogorsk, Russia)

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguistics
and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The paper focuses on the analysis of the semantic potential of the titles of F. M. Dostoevsky's novels. It is suggested that in the names of his own novels the author already laid fundamentally important,

conceptual, certain "metameanings," addressed to readers of the future. The names of Dostoevsky's novels are considered in a wide hermeneutic aspect. Among the titles analyzed from this angle are "Poor People," "Humiliated and Offended," "Crime and Punishment," "Idiot," "Demons," "The Adolescent", "Brothers Karamazov." So, for example, the process of analyzing the first name takes into account not only what Belinsky drew attention to – the social perspective (materially poor characters, heroes to one degree or another of impoverishment), but draws attention to the fact that the concept of poor people characterizes all the heroes of the novel who managed to lose themselves, having lost genuine life values. In the novel "Humiliated and Offended," as shown, the metameaning of the title is determined by the association laid down in it, correlated with the dynamic spiritual vertical. The title "Crime and Punishment" makes you think about the precepts and spiritual maxims that the heroes violate, to understand why and with what outcome they do it. The multiple meanings of the novel "Idiot" are unconditional. In addition to the traditional meanings that are considered in the work, it is also noted that the definition of "idiots" can be referred not to the main character of the novel, but to ourselves, since Myshkin is perfect, and we are not and therefore it is not for us to judge him. "Demons" is a novel conceived as a denunciation of revolutionary ideas. But the meaning of the title is wider. It's about obsession. The metameanings of the titles of previous novels, as shown in the work, are anchored to the last novel "The Karamazov Brothers" in a single logic. Dostoevsky makes us think about the fact that people, like his heroes, are faced with a choice – brotherhood or "Karamazovschina."

Keywords: F. M. Dostoevsky, novels, metameanings, titles, meaning

Для цитирования: Власкин А. П., Рудакова С. В. Метасмыслы заглавий романов // Libri Magistri. 2021. № 2 (16). С. 117–127.

Поступила в редакцию 25.02.2021